

Весло Невесты

Лина Дорш

Лина Дорош
Весло невесты. Побег
второй, провинциальный.
«Уйти, чтобы...»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917115
ISBN 9785448546440

Аннотация

Профессиональная линия по уходу за эмоциями в домашних условиях [подтвержденная эффективность]. Совпало. Эта книжка и задумывалась, и получилась второй / вторым. Побегом. И еще она самая «в лоб» о том, как уйти, чтобы вернуться. Здесь всё просто: от кого ушла – к тому и вернулась. Хочется верить, что всё именно так. Был соблазн – что греха таить – устроить гастроль между кавалерами в новых декорациях. Не случилось. Дальше о том, куда бежать не надо. Хотя, если очень хочется... когда любовь.

Содержание

Перед первой главой	6
Глава 1. Раздвоение личности в рамках приличия	8
Пункт назначения	14
Доброе утро	19
Мышечное воспоминание № раз	21
Глава 2. Разведка боем	39
Внешнее	52
Хозяйка	58
Вопросы	67
Экскурсия	69
Дале да боле	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Весло невесты Побег второй, провинциальный. «Уйти, чтобы...»

Лина Дорош

У любви особая энергетика.

Ощувив её одиножды —

уже не спутаешь никогда и ни с чем.

Попадешь в зависимость. Будешь искать её.

Особенно свою любовь к себе.

Такой вот коктейль —

счастье и несчастье в одном стакане

(граненом Мухинском).

Пропорции — по вкусу.

Дизайнер обложки Саша Салтанова

Редактор Мария Очеретина

© Лина Дорош, 2019

© Саша Салтанова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-4644-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перед первой главой

Совпало. Эта книжка и задумывалась, и получилась второй. Точнее, вторым. Побегом. Побегом провинциальным. И еще она самая «в лоб» – в лоб о том, как уйти, чтобы вернуться. И точка. Без аллегорий и тайных смыслов про возвращение себя себе, или просто к себе, или еще какой-либо игры слов.

Здесь всё просто: от кого ушла – к тому и пришла, в смысле вернулась. Вроде бы. Хочется верить, что всё именно так. Был соблазн – что греха таить – устроить гастроль между кавалерами в новых декорациях. Не случилось. Фея и вправду оказалась добрая, и без топора пришла, и в хорошем настроении. Бывают такие интерьеры, в которых можно только о высоком да о высоком... и хочется фигу показать, да рука сама в «реверанс» уходит, потому что и нога не смогла никого пнуть, а тоже и в тот же реверанс ушла. Да-с...

В общем, получилась почти нравственная история, такая почти безупречная с точки зрения морали. И это «почти» очень радует и оставляет надежду, что не всё так безнадежно правильно.

Будем считать, что сделали привал на марше. Героини, как на первой-второй, рассчитываются «неприкаянная» – «прикаянная». Не трудно высчитать, какой будет третья.

Просто в последнем побеге декорации будут побогаче, чем и во второй, и в первой истории.

В общем и в частности, ниже о том, куда бежать не надо. Хотя, если очень хочется, то можно, но при определенных условиях – сопутствующих отягчающих, которые облегчают. В общем, про любовь.

Глава 1. Раздвоение личности в рамках приличия

Еще в детстве я придумала игру. Играть в нее было нужно, когда тебе очень плохо. Так плохо, что уже заливаешься горючими слезами – и никак не меньше. И вот, когда слезы уже намочили ворот одежды, платок или наволочку, приходила одна и та же мысль: а смогу ли я рассмеяться? Вот прямо сейчас, безо всякого перехода, без повода? И я могла. Каждый раз. Без перехода. Без повода. И каждый раз возможность сего настолько меня изумляла, что реветь дальше было как-то уж совсем нелепо. Даже по детским меркам. Приходила мысль: видимо, это горе не настоящее. Иначе без перехода и без повода начать смеяться я бы не смогла. И в зеркале была уже другая я. Или другая половинка меня. Та, что веселее, сильнее и, что характерно, та, что живет без драм и заламывания рук.

– Вот только без драм, дорогая.

– Без драм? Пожалуйста!

– Торговаться с собой – это плохо. И-и-и... не уверена – не гунди.

Это я опять говорю с собой – не пугайтесь. Привычка. Еще в детстве я обнаружила, что могу быть без переходов то слабой, то сильной. В подростковом возрасте эти две ча-

сти меня начали общаться, а в юности даже подружились. Но выяснять отношения для поддержания тонуса не перестали до сих пор. Вот как сейчас.

– Утро сегодня начинается как-то особенно по-доброму...

– Вы находите?

– Между прочим, это я не спрашиваю.

– Ну да.

– И не гундю!

– Конечно.

– А рассуждаю.

– Ну, да-да, «этот стон у нас песней зовется» – как не знать.

– Уйду!

– Ага, глаза и уши пополам? Как нос с губами «пилить» будем?

– Всё гораздо хуже: уйду и вернусь быстро. Очень быстро.

– Знаешь, на что надавить...

Надо было просто перед выходом посмотретья в зеркало. Дружно. Проверить, всё ли на месте. А мы (я и снова я) опять развели дискуссию и, конечно, почти о вечном. Всё-таки глупость – это ген где-то в половой X-хромосоме. Если ты – женщина, то он обязательно есть. И минимум в квадрате. Вопрос только в том: когда, где и в какой степени тяжести этот ген проявится.

– Сегодня как никогда надо было выйти с куражом под ручку из дома. Просто, без лишних слов и жестов. С куражом

под ручку или в обнимку – не важно. Просто выйти с куражом – и всё. А ты?

– Это ты запнулась правой ногой!

– Погоди-погоди... Правой, говоришь. Если правой, то хорошо. Когда запинаешься правой – верный признак, что повезет. И задумчиво-рассеянный вид некоторых не помешает. И ты – моё второе (не исключено, что лучшее) «я» – в данной ситуации можешь оказаться вовсе не к дождю. А будешь мешать, учти, нареку тебя кикиморой.

– И что?

– Ты должна обидеться.

– Кикимора.

– В смысле?

– Я тебя назвала кикиморой – тебе обидно?

– Нет.

– Ну, вот. Сначала слово обидное придумай, а потом я, как менее закаленная, обижусь и уйду. В мозжечок.

– Почему в мозжечок?

– А куда мне идти?

– Опять права.

– Ладно, получается, что это я без кодовых слов – в мозжечок.

Между прочим, не так просто научиться отвечать себе. Равно как и задавать вопросы. Ну, вот критически любящее «я» ту-ту... Последнее время отрываться он неё всё труднее. Это с одной стороны. Переговоры становятся всё длиннее

и изощреннее. Но, с другой стороны, вот что интересно: когда скучная половина меня «уходит», то без неё максимум на счет «раз-два» становится скучно. Парадокс: без навевающего скуку спарринг-партнера веселая часть меня веселиться не может. Так и живем, по закону диалектики – в единстве и борьбе противоположностей.

Двойственность бывает разная. Бывает типичная: будь я, например, близнецы по гороскопу. Или весы. Но по гороскопу я – монолит. Бывает двойственность клиническая – когда раздвоение личности. По-настоящему. Чтобы и разные имена, и разные гардеробы. Можно, конечно, и клинику как вариант в моем случае рассматривать и аргументами «диагноз» укрепить можно. Но среди психиатров есть знакомые, а муж об отдыхе в пригородном санатории ни разу не заговаривал. Значит, ему никто не подмигивал. Из психиатров. Тогда что же досталось нам? Самый банальный вариант, который встречается на каждом шагу. Самая обычная двойственность среднестатистического интроверта. Для которого привычно искать и находить собеседника не вне, а внутри себя. А поскольку общаться всегда интереснее людям разным, то приходится «делиться условно полушарно».

Внутри происходит горячий спор. Внешне ничего не происходит, да и потом – обе части меня на одно лицо. Только у «слабой» ведущий глаз левый. Она всегда подмигивает им, когда переварит обиду и возвращается. А у меня «веселой» ведущий глаз правый. И он подмигивает, когда удается уйти

в отрыв. Когда собираемся вместе, как и все женщины, мы дружим. Особенно если есть против кого. Тогда оба зеленых глаза мигают абсолютно синхронно, и никто никуда не уходит.

Еще на моем лице много веснушек. Круглогодичных. Рыжих-рыжих. Кстати, веснушки очень хорошо загорают. Это тоже знание, полученное из детских опытов. Белая кожа остается белой, сколько бы её ни жарило солнце, а веснушки становятся ярче и краше. При таком буйстве красок на лице оставаться блондинкой не эстетично. Блонд оказался четвертым лишним, и еще в школе я начала краситься в рыжий. И не стричь волосы выше плеч. Меди должно быть много. Иначе некрасиво. Это золота должно быть немного, а меди не должно быть мало. Еще с детства у меня был отличный аппетит и недостаточный вес при почти избыточном росте. Что оставалось делать девочке с такими данными, когда из всех возможных форм самое пышное – это шевелюра? Конечно, улыбаться. Может быть, поэтому выражение вселенской скорби на моем лице выглядело нелогичным. Даже если было обоснованным. И очень быстро превращалось в смех. Много меди – много смеха. Это всё лирика, а сейчас речь об «оторваться от хвоста».

Легче всего это получается, когда приезжаешь в новый город или знакомишься с новым человеком. Но она, слабая часть «я», всегда возвращается, как на место преступления, или просто как женщина. То есть некстати. И вот я, не су-

масшедшая, находясь в незнакомом мне городе, оторвалась от преследования критически настроенной части моего «я». В этот город я приехала три дня назад. Откуда – не важно. «Пока» и «уже» одновременно не важно. Хотя это город Москва. Первый день удалось очень талантливо проспать в гостинице.

Пункт назначения

Поезд пришел рано утром. Представляете, здесь один вокзал. И на вокзале одна платформа. И к платформе подходит одна пара рельсов. Даже в моем родном городе было минимум восемь платформ, и еще несколько путей у каждой, не говоря про штуки рельсов. Хотя вокзал был один. В Москве много не только рельсов и платформ, но и вокзалов. А здесь: два рельса – вот и вся железная дорога.

Местный вокзал похож... да ни на что он не похож, если честно. Одноэтажное здание неопределенного назначения и страшенького вида. С одной стороны вокзала – сразу за рельсами – город заканчивается. По другую сторону вокзала – город сразу начинается. Без предупреждения. Сразу дома и дорога.

Я вышла на дорогу ловить попутку. Несколько минут ждала появления машины. Или я сплю, или я в раю. Кругом зелень и тишина. И еще здесь есть воздух. Но нет машин, и люди будто растворяются, отходя на десять метров от здания вокзала. Понимаю, что девушка с зонтом-тростью, непоходным рюкзаком и журналами VOGUE и ESQUIRE под мышкой выглядит странно. Слово «странно» здесь употребляют вместо «гламурно».

Машина возникла из ниоткуда. Только что её не было, и вот она есть. Кажется, это называется шестерка. А вот на-

звание цвета знаю точно – «дипломат», цвет сливочного шоколадного батончика.

– Как Вы думаете, это в знак уважения к нашим друзьям-дипломатам из братских африканских стран так назвали цвет машины? – я оперлась на трость и заглянула в окошко.

– Могло быть и так, Вы в машину сядете или мне выйти? А то так-то вот неловко разговаривать.

Я сделала вид, что думаю. Потом сделала вид, что думаю очень быстро: открыла дверь и села на сиденье рядом с водителем.

– Доброе утро. Мне бы до ближайшей гостиницы, – попыталась как-то расположить свой зонт, но на переднем сиденье ему было тесно, – в смысле, мне до гостиницы, в которой точно есть места.

– Здравствуйте и Вам, коли не шутите, барышня, – водитель забрал у меня зонт и положил его на заднее сиденье, – до гостиницы – так до гостиницы. Только она у нас одна, барышня. Ничего, что так?

Говорил водитель странно, и глаза у него лукавые, но добрые. Вроде бы хорошие глаза у него.

– Как одна?! – если бы я могла, то точно остановила бы машину.

– А сколько надо? – водитель включил магнитофон, из него запели «Yesterday». – Сразу в нескольких жить хотите? У нас же всего пятьдесят тысяч жителей. Приезжих по-

что нет. Одна-то гостиница пустует.

Битлов хотелось слушать, но пели не Битлы.

– Хорошо поют. А кто это?

– Бессмертная песня Биттлз, которая называется, если по-русски – «Вчера».

– Не может быть, – я деланно изумилась.

– Правда.

– Но поют не Битлы?

– Не Битлы.

– А кто?

– Я.

– Да ну?!

– В душе всегда пою, когда её слышу.

– А! В этом смысле тогда и я тоже.

– Что?

– Исполнитель бессмертной песни Биттлз, которая по-русски называется «Вчера».

– Один – один, – водитель протянул мне ладонь для рукопожатия.

– Хо-хо! – я на мгновение ощутила на своих плечах тепло мексиканского тушкана Элочки.

– Так кто поет, если не авторы?

– Друг поет. Тут, – водитель показал на коробку от диска, – все мои любимые песни, и поют их мои друзья. Подарок на день рождения.

– Сильно.

Я попыталась вспомнить свои любимые песни, но сразу в голову не пришла ни одна. Пришлось подмигнуть второй скрупулезной «я», чтобы пометила где-нибудь: «Любимая песня (и). Вспомнить».

– Надолго к нам? – водитель убавил звук.

– Прикидываете, смогу ли вывести вашу гостиницу на самоокупаемость?

– Конечно! Я ж патриот.

– Поживу пока. Вы не в курсе, товарищ патриот, квартиру у вас снять сложно?

– Зачем сложно? Если людей знать – всё запросто!

– А я не знаю никого. Как быть?

– Так давайте познакомимся! Меня Петром Петровичем величают.

– Очень приятно, а меня – Слава.

– Громко, однако. А по бабушке?

– Ярослава Львовна я.

– Добро пожаловать, Ярослава Львовна, в славный город Шмелев, – Петр Петрович опять протянул ладонь для рукопожатия. – Как в гостинице наскучит, позвоните вот по этому телефончику. Знакомая у меня давно жильцов ищет, Вас, видать, ждет.

Слышится мне подвох в его словах, хоть убей! Ну, да ладно. Разберусь со временем. Кстати, скрупулезная подруга, зафиксируй неплохой результат: пятнадцать минут в новом городе – и уже первое знакомство, причем, совсем не беспо-

лезное. А если учесть, что здесь всего пятьдесят тысяч жителей, то это и вовсе не мало.

Доброе утро

В гостинице моё появление без командировки вызвало нескрываемое удивление. Скрыть-то они его, конечно, пытались. Но эффект неожиданности оказался сильнее, поэтому, похватав ртом воздух, дали ключи без лишних вопросов. И, хотя вопросов задать мне не успели, было ясно: задержусь в гостинице дольше, чем на пару дней – вопросы начнутся. Еще как начнутся! И, независимо от полученных ответов, информация о странной приезжей пойдет по городу, а мне это ни к чему. Завтра же навещу подругу ПП – так я про себя для краткости окрестила Петра Петровича Лукавого-Разговорчивого. А сейчас – спать. Чувствую, что на ходу глаза закрываются. Оба и синхронно. Вот и подушка-подружка. Второе приятное знакомство за одно утро – мне здесь определенно нравится. И засыпать утром тоже нравится.

Вечером, напялив единственные джинсы, забрав волосы в хвост и сознательно не открыв косметички, вышла из номера. В зеркале – моль молью. Только рыжая. Взяла темные очки. Ну и что, что на улице сумерки. Очки не от солнца мне нужны, а чтобы не встречаться взглядами. Не тот у меня сейчас взгляд, чтобы с ним встречаться.

Администратор почему-то открыла рот и ничего не ответила на мое приветливое:

– Доброе утро.

Как ей объяснить, что и вечером может быть утро, если ты проспала весь день. Какой у нас план? Задача минимум – осмотреться. Максимум – поесть. Надо бы придумать еще что-то третье, чтобы по-русски закруглить, но третье как-то не придумывается. Что после компота можно придумать на третье? Может, повезет и под гамбургер «родится» великая цель номер три?

Ноги почему-то принесли на вокзал. Может быть, потому, что это пока единственный знакомый им маршрут. А может быть, в надежде вернуться. Туда, на сутки с копейками назад.

Мышечное воспоминание № раз

Утро началось очень рано. Просто ночи почти не было – не спала всю ночь. Так странно. Ни о чем не думала. Просто не спала и всё. Будто ждала чего-то. И вдруг очень ясно поняла, что сегодня же утром уеду.

Обычно, когда задумываются о побеге внутрь родной географии, театрально провозглашают: «В деревню! В глушь! В Саратов!». Пунктуацию автора никто, конечно, не соблюдает. В связи с этими часто встречающимися восклицательными знаками Саратов перестал быть беспросветной провинцией. И теперь приходится искать другой вариант глуши. Хотя и у меня искушение рвануть в Саратов было, не скрою. Но тут же прошло. Еще с особой тщательностью сейчас приходится выбирать способ передвижения в глушь. В зависимости от цели. Глушь с аэропортом – вариант для побега сразу с обратным билетом на точно известную дату. Признак серьезных намерений – глушь с железнодорожным вокзалом. Ждэ вокзал – это максимум. Только он оставляет возможность вернуться, но сделать это не слишком быстро.

Спросила себя: «На чем?» Для приличия помедлила с ответом. Выдерживать паузу надо даже в разговоре с собой. Ответила: «На поезде». Ответ принят. Пауза. Ответ верный. Теперь надо было обсудить вопрос: «Куда?»

Вариант «в деревню» невозможен. На него моего чувства

юмора точно не хватит. Поэтому двигаться будем в город. Такой город, название которого мне покажется знакомым или просто понравится. В любой город без аэропорта, до которого на поезде ехать часов двадцать или больше. Ради приличия подумала, не вернуться ли в мой родной город? Но возможность совместить жизнь номер раз и грядущую номер три – тоже слишком серьезное испытание для моего «ч/ю».

Вернуться к истокам невозможно. Без «потому что» и без «а вдруг». Сейчас важно попасть туда, где меня не знают: ни какой я была сразу после детства, ни какой я стала чуть позже – то есть меня не знают совсем. Мной не будут интересоваться, меня не будут сравнивать со мной же только три года назад, а также пять, десять, пятнадцать лет назад и так далее. Не будут сравнивать с моими школьными подружками. Волнуют меня возможные сплетни? Нет. Просто воздуха хочется чистого, без лишней пыли. Дышать хочется свободно. Хочу жизнь номер три, а не номер один или а-ля номер один. Хочу другую и новую. Хочу. Решено.

Обычно, когда примешь важное ночное решение, ментально проваливаешься в сон. А тут я никуда не провалилась, просто стало легко. Легко и понятно. Понятно, что нужно делать. Появилась перспектива. Перспектива, скорее, надуманная, но она была очень нужна, пусть и такая. Ясность появилась, а сна по-прежнему не было. Значит, нужно, чтобы скорее наступило утро.

Таким нетерпеливым ожидание рассвета бывает только

в детстве. Перед каким-нибудь хорошим событием. Например, завтра – праздник, и наденешь новое платье. Или перед поездкой. Не важно: на автобусе к родственникам в деревню или на самолете в Москву или Питер. Предвкушение всегда одинаково приятное, даже трепетное. И заснуть невозможно. Еще такое предвкушение «чего-то» бывало поздней весной, как сейчас. Жаль, что я и весна – по ощущениям понятия слишком далекие. Жаль, что весна сейчас – не повод.

Очень хотелось, чтобы и ночь еще продолжалась и утро чтобы скорее наступило. Ночь уже совсем нетрудная – решение принято, и рассвет поэтому очень срочно нужен. Но ночь-то какая хорошая – и не хочется совсем, чтобы она заканчивалась. Что делать? И рассвет нужен. И ночь нужна. Все нужно! Мне. Здесь. Сейчас. Такое состояние очень напоминает зуд. Где-то глубоко внутри организма. Какой тут сон, когда такой глубинный тектонический зуд в душе. Но есть способы... избавиться от него.

Вот, например, отличный способ не то чтобы снять душевный зуд, а быстро уснуть – прогуляться перед сном. Хорошо помогает, если пойти вынести мусор, особенно если удастся уйти в тапочках и халате и вернуться раньше, чем через двое суток. Можно выгулять собаку. Если не забыли её купить. Если забыли – можно взять кого-нибудь из домашних. В моем случае получился вариант – ассорти: очень поздний выход, как в первом, забыли купить собаку – из второго, и неизвестно откуда качели – до кучи. Надела плащ

и вышла во двор. Нет ничего смешнее, чем торчащий из-под полы плаща махровый халат.

Качели не скрипели. Они качались. Разгонялись легко, и дух захватывало неожиданно сильно для такой невеликой амплитуды. Вокруг никого не было. Качаться в одиночестве долго не интересно. И вот качели уже остановлены силой мысли. Показалось, что сон где-то на подступе, уже зашел в подъезд и пора идти его догонять. Как вдруг – черная собака.

Абсолютно черная. Настолько черная, что ей удалось появиться совершенно внезапно. Хорошо, мои глаза привыкли к темноте, и я увидела, что это не сами по себе чужие глаза, а они на собаке. Потому как пес такой величины автоматически и нешуточно пугает. Собака была без ошейника и без заискивания в глазах. Хотя, судя по степени ее лохматости, ошейник мог у нее быть, просто затерялся в шерсти. Впечатление потерявшейся или брошенной она не производила. Я подумала, что сейчас на горизонте появится хозяин, и решила его подождать. Собачка не собиралась быть агрессивной, но на всякий случай, мне подумалось, лучше не делать резких движений. Она села рядом с качелями. Большая и лохматая. Ньюфы – это прекрасно, даже ночью в пустом дворе, когда уже собираешься идти домой. Шерсть у собаки выглядела такой мягкой и шелковистой, что ее очень хотелось погладить. Ньюф воспринял мое желание как должное. Глаза у него, или неё, были как у Пьеро – грустные, но в отличие

от Пьеро – умные. И тоже почти черные. Глядя в эти глаза, неожиданно для себя я начала говорить вслух:

– Ты меня уважаешь?

Пёс посмотрел на меня снизу вверх. С сочувствием.

– Поняла, с именем промахнулась. Тебя зовут не «ты».

Пёс моргнул и облизнулся.

– Ты сейчас моргнула или моргнул?

Собака открыла рот, высунула язык и посмотрела опять с сочувствием.

– Ну вообще, права или прав – сейчас это совсем не важно. Можно тебя еще погладить?

Ньюф положил голову мне на колени. Шерсть будто только что помыта. Даже показалось, что слегка пахнет шампунем. И не собачьим шампунем. Предположить, что это духи, было бы экстремально, но очень похоже на правду.

– Почему у тебя глаза такие умные?

Пёс поднял голову с моих колен и опять посмотрел с сочувствием.

– Поняла, осталась одна карта, и мне грозит перебор, – я нагнулась, чтобы посмотреть в глаза не сверху вниз, – попробую перейти к главному. Уж, не обижайся, если опять промахнусь с именем. Оно сейчас не предмет нашего разговора. Так вот, Дорогулишна, что же делать, если душа стала по ощущениям как у тебя глаза? Форму глаз можно пластикой исправить, а с душой – как? Что мне делать-то? Скажи, умные глаза?

Собака не протестовала против имени «Дорогулишна». Она опять отвечала молчанием. На этот раз в ее глазах читалось не «сочувствую», а «элементарно, Ватсон». Но почему-то хотелось разъяснений, как юристу комментариев к новоиспеченному закону.

– Это тебе может элементарно, а для меня – это теория вероятной относительности. Или относительной вероятности. Не смотри на меня, знаю, что таких теорий нет, вот и представь толщину и высоту стен моего тупика.

Собака молчала. И тут я неожиданно для самой себя сказала:

– Гав!

Нареченная Дорогулишной посмотрела на меня, вытянула шею, стараясь поймать носом ветер. Что-то почуяла в воздухе и побежала из двора. Я начала говорить ей вслед, говорить тихо, но была уверена, что она меня прекрасно слышит:

– Ну, Дорогулишна! Не уходи! Знаю, что глупо, что перебор, что слишком для твоих умных глаз, а ты не уходи! Пожалуйста! Как я пойму? Без тебя.

Собака остановилась в арке, повернула голову в мою сторону. Показалось, что сверкнули ее глаза. Потом снова вытянула шею в сторону улицы.

– Ну, раз говоришь, что элементарно, – значит, элементарно. Таким умным глазам виднее.

Она махнула своим роскошным по лохматости хвостом и выбежала из арки.

– Могла бы из вежливости хоть раз сказать «гав». Ну, да ладно, – я слегка раскачала качели, – трудно, наверное, быть хозяином такой собаки. Умная и стильная – как ей соответствовать? Непостижимо. Тут один раз неудачно пошутила, сказала вполне приличное «гав» в халате из-под плаща, а твой имидж уже похоронили.

Качели остановились. Оглядевшись, поняла, что все дела во дворе завершены. Вытянула голову и стала носом ловить ветер. Вдруг ясно почувствовала, что сон мирно ждет в моей квартире. Свернулся калачиком перед тумбочкой и украдкой иногда поглядывает на часы.

Вернулась домой и легла в постель. А потом как-то очень скоро зазвонил будильник. Сашки уже не было дома. Или его не было с вечера? Стыдно, но вспомнить я решительно не могла. В любом случае – хорошо, что его не было. Не пришлось менять план и медлить с выходом.

Не знаю почему, но почему-то очень важно было выйти из дома рано. Чтобы было уже светло, но еще рано. Хотя, конечно, классически побег принято совершать ночью. А у меня блажь какая-то – после рассвета и всё тут!

Благодаря будильнику утро побега началось вовремя. Не сказать, чтобы сборы были бодрыми. И слишком решительными они не были. Сборы были быстрыми. Вещей с собой брать почти не предполагалось. Во-первых, когда лирический герой или героиня обдумывают побег, они же рассуждают о высоком, а не о зубной щетке и теплых вещах. Во-

вторых, здесь моего почти ничего нет, всё – сплошь подарки. Что-то из подарков взять, а что-то оставить – окончательно обидеть человека их дарившего. Он ведь всё от души дарил. С любовью даже или может быть. Пришлось ради справедливости стукнуть себе по губам – конечно, с любовью.

Из «своего» нашла немного. Сумку выбрала попроще и побольше: чтобы формат А4 помещался. Почему именно так – не знаю, но знаю, что А4 должен входить обязательно – без А4 мне никак. Из вещей захватила несколько единиц белья, нижнего, разумеется. Трусы оказались очень важным моментом для начала новой жизни в чужом краю. Какую такую особую роль они должны были сыграть в жизни №3? Из сумки, с которой выходила вчера, вытряхнула все содержимое в ту, что волею судьбы избрана сопровождать меня в странствиях провинциальных.

Если скажу, что даже не взглянула, что именно отправляется со мной в путь – ясно, что совру. Заглянула-таки в сумку: косметичка есть, кошелек есть. Проверила присутствие в нем банковского пластика – выложила все, а попутно с ними и все дисконтные карточки выкинула на тумбочку. Вроде бы все. Вру. Одну банковскую оставила. На ней была зарплата, которой раньше никогда не пользовалась. Пришло время. Присела на дорожку. Ну, все – пора. Окинула взглядом квартиру – куда доставал глаз. И увидела чашку. Чайную фарфоровую. С дурацким рисунком: желто-золотым и к тому же цветочным. Она меня всегда возмущала. Потому что

бесила. Откуда взялась – не помню. Было смутное ощущение, что она была прихвачена впопыхах. Возможно, когда так же с пустой сумкой я уезжала из родного города. Хотя вру, тогда я уезжала даже без сумки. Да, тогда я была идеалисткой, а сейчас – прагматик до мозга костей: о трусах подумала. Если без сумки, то чашку прихватить не могла. Тогда откуда она здесь? Купить такое безобразие я тоже не могла. Даже давно. И ее мне не дарили – это точно. Разбираться времени не было. В общем, чашка упала в сумку – должны же быть в новой жизни и отрицательные эмоции тоже, так пусть они будут предсказуемы. Конфликт был исчерпан. Осталось решить вопрос с ключами. Оставить или забрать. Забрать или оставить. Не так. Вопрос звучал не так. Ключи – это возможность вернуться. До этого надо еще дожить. Опять не то. Эту возможность надо еще заслужить. Ближе к правде. Ключи тихо приземлились на тумбочку рядом с карточками.

Вроде бы всё? Уходить насовсем без теплых вещей – не убедительно. Надо, конечно, налегке, но что-то из теплого прихватить. Я окинула мысленно взглядом всё, что является вещами первой необходимости с октября по апрель. Второстепенного нет! Шуба – предмет первой необходимости. И вторая, и короткая тоже. И вторая короткая – без вопросов. Сапоги на каблуке – тоже. И каждый вид каблучков по-своему, но жизненно необходим. Сапоги без каблучков – как без них прожить? В категории «без каблучков» есть три жизненно необходимых модели и еще две модели «жиз-

ненно важных». Вот этим минимумом «жизненно необходимого или всего лишь важного» и приходится как-то обходиться. А специальная зимняя сумка?! В количестве пяти штук?! Можно поседеть. Но из неподарков я нашла только один предмет. Единственной теплой вещью, придающей солидности и серьезности отъезду, мог стать зонт. Он как-то по-дурачки приехал с моей исторической Родины. Вот так же случайно тогда из всех вещей взяла зонт. Внезапный отъезд с малознакомым мужчиной мама еще поняла, но почему из всех вещей с собой надо брать зонт – было уже выше ее понимания. И она пошла пить валерьянку. А зонт вот он: по-прежнему огромен и черен. Ручка всё так же изогнута, рыжа и деревянна. Кованый наконечник, как обычно, упирается в небо или в пол. «Золотое» кольцо готово в любой момент захватить края спиц. Оно думает, что самое главное, потому что блестит. Но, как большинство блестящих предметов, ошибается. Главные, как и в старые добрые времена, – пуговка, колечко и резинка. Маленькая черная пуговка с четырьмя дырочками. Она пришита на одном краю резинки, а на другом – маленькое кованое колечко. Резинка обычная бельевая, только черная и сделана в Англии. «Липучка» или кнопка – это не то. Настоящий зонт должен застегиваться на пуговку. С четырьмя дырочками. Пуговка должна быть пришита на одном конце резинки, а колечко – на другом. Только такой зонт считается правильным в моем ортодоксальном учении о зонтах. «Пуговку» беру с собой. Однознач-

но. Тем более сейчас никому объяснять не нужно, что в этой «пуговке» такого жизненно необходимого. Появилось ощущение команды, и сборы пошли быстрее. Точнее, логично подошли к концу. Опираясь на трость-зонт, почти как Петр I на картине, еще раз обошла квартиру, обдумывая на ходу не столь великую, но столь же решительную и радикальную реформу. Завершила обход – круг замкнулся. В голове щелкнуло: «Теперь точно – всё».

Выражение лица было – лучше бы его не было. Правда, обошлось без слез. Уходила по сухому варианту. Но слезы, возможно, даже украсили бы. Бывают такие моменты, когда слезы красят. А слабо засмеяться сейчас, без перехода, с места в карьер? Раз-два-три. Не получилось. Дать себе вторую попытку? Наверное, лучше сразу третью, и закрыть эту тему. Я смотрела на себя в зеркале. Чем хороший портрет отличается от плохого? Художником – ответ неверный. Размером полотна – тоже мимо. Глаза – самое главное в портрете. Живые глаза – хороший портрет. Нарисованные – плохой. Из зеркала на меня смотрели глаза нарисованные. Даже не просто нарисованные. Они были очень плохо нарисованы.

– Рыжая, рыжая, рыжая, бесстыжая, – голос предпринял попытку подправить глаза, но понял, что не случилось, – какой от тебя толк, рыжая с плохо нарисованными глазами? Ни заплакать, ни засмеяться – ни на что ты не годишься! Уходи!

Обе части меня оказались на удивление солидарны и гордо, ничего не ответив, открыли дверь и закрыли с другой сто-

роны. Точнее, просто захлопнули. И я ушла.

На дворе было начало седьмого утра. А я уже выходила из дома. Еще позавчера, даже вчера! – подъем раньше десяти утра казался нарушением прав человека. Вообще этим утром пришлось вспомнить многое из основательно подзабытого. А точнее, из подзабытых нелюбостей. Например, метро. Моя «нелюбовь номер один». Сколько бы ни говорили, что метро – это очень удобно, я его не любила. Причем всегда. Может быть, не само метро, а то, что оно сжирало столько времени. Еще очень не нравилось, что в метро так много всех. С детства не любила, когда вокруг чего-то или кого-то много. В метро много людей. Всегда. Поэтому я всегда не любила метро. Не любила, когда жила в своем родном городе. Не полюбила и когда переехала в столицу. Еще, когда постоянно едешь в метро, получаешь в награду такой же постоянный насморк. На все времена года. Просто – навсегда. До сих пор вспоминаю с «благодарностью» о метро своей юности, когда после первого глотка горячего чая тянусь за носовым платком. Зимой и летом одним цветом – это? Носовой платок! Летом и зимой всегда со мной – это? Носовой платок!

Хотя почему именно «не любила», почему в прошедшем времени? Хочется сказать, что сейчас я не просто не люблю, а ненавижу многолюдность. Хочу, но не могу. Потому что не испытываю столь сильных чувств. Вообще чувств не испытываю. Только вспоминаю их. Все реакции организма све-

лись к непереносимости, то есть к аллергии и насморку. Спасибо изобретателю одноразовых носовых платков. Он достоин нобелевской премии по литературе, ведь его изобретение связано с бумагой, в буквальном смысле поглощающей эмоции человека.

Еще одно воспоминание о моей «нелюбви за номером два» – вокзал. И эту нелюбовь я испытала давно. Как-то сразу поняла, что не люблю ездить поездом. Охотно верю, что кто-то действительно отдыхает и отсыпается в дороге. И что стук колес очень успокаивает. Наверное, мне просто несколько раз не повезло с поездами. И я запомнила только странно сыроватое белье, жуткую духоту и неопределенность: опасаться за свои шмотки или нет. Но поезд был необходимостью. Сначала поездки в гости к родне, потом – на учебу и в командировки. Переехав в столицу, я ни разу нигде поездом не ездила. Только самолетом. И ко мне никто не приезжал поездом. Никто. Ко мне вообще никто не приезжал из моей первой жизни в родном городе.

Вокзал я не полюбила не только за поезда. Сам по себе он меня всегда пугал. Сгусток непонятной и чужой мне энергии – так я чувствовала вокзал. А видела – сами всё знаете. Беспризорники, бомжи, бомбилы – всё на вокзале казалось на букву «б». Помню страх, который охватывал при входе в здание вокзала и отпускал только в купе. И то отпускал не совсем.

И вот я снова захожу в вокзал. В ближайший от моего дома.

От моего уже бывшего дома. От моей второй жизни. Здесь всё изменилось – я про вокзал. Хотя именно на этом вокзале я никогда не была. Сравниваю с вокзалом из первой жизни – разница есть. И уже есть хорошая новость – страха нет. Есть интерес или, как минимум, любопытство.

Начинаю скользить глазами в поисках кассы. Натыкаюсь на газетный киоск, церковную лавку, сигареты-шоколадки, сумки, колготки. Сначала куплю билет, а потом прикину, сколько журналов и шоколадок надо брать.

В расписании-табло разобраться без «полбанки» невозможно. В кассе меня довольно тактично послали в окошко с именем «Справка». Внезапно вспомнила, что стиральная машина осталась с тремя килограммами белья и ненажатой кнопкой «пуск». Чувство долга как-то вдруг наполнило сердце и даже желудок. Даже желудок захотел домашней манной каши. И ноги готовы были показать, где здесь «выход». Но разброд и шатания остановил зонт. Он крепко уперся кованой верхушкой в каменную плиту пола, и образовалась плоскость. Этой новой плоскости было перпендикулярно до манной каши и чувства долга. Локти легли на стойку, над которой красовалась надпись «Справка».

– Доброе утро, – улыбка на моем лице появилась спонтанно, а в окошечке на нее отреагировали недоумением.

Ярко-желтая блондинка пристально смотрела в монитор. Ее карие глаза были так аккуратно и красиво покрашены, что доброта в них была бы избыточной. А контур красиво-крас-

ных губ улыбкой был бы непоправимо деформирован, поэтому, чтобы не нарушать красоту, девушка держалась и не улыбалась ни глазами, ни губами.

– Здравствуйте, – точку она ставила перед первой буквой, а не за последней.

– Мне нужна Ваша помощь, – улыбка на моем лице перешла в режим автономного автоматического сохранения, – нужно уехать в какой-нибудь маленький город часах в двадцати или чуть больше пути отсюда. И, желательно, ближайшим поездом.

– Шмелев. Двадцать три часа в пути. Отправление поезда через пятьдесят минут, – она отвернулась и продолжила внимательно изучать монитор.

Серьезная блондинка явно не собиралась больше со мной говорить. Я не стала ее утруждать. Хотя очень хотелось дать ей совет, насчет макияжа, разумеется, но удалось сдержаться и сказать универсальное и ни к чему не обязывающее, особенно в данной ситуации:

– Спасибо.

Всё-таки иногда очень хорошо, если не решаешься что-то сделать или сказать. Хотя все говорят о пользе решительности. Для здоровья в целом и для пищеварения в частности. Шутка. Про пищеварение, конечно.

Итак, город Шмелев – цель наша. «Мохнатый шмел на душистый хмел» – так сказать, так сказать. Не споет эту песню грузинский мальчик. Точнее, я не услышу ее в его испол-

нении, потому что у нас – Шмелев. Целый день в пути: что будем читать? Деловая пресса – ну, найн, ниht. Тогда что? А не спросить ли нам совета у профессионала? И мы с зонтом перешли к следующему окошку.

– Доброе утро, скажите, пожалуйста, что хорошо читается в поезде? – я надела улыбку, но уже поскромнее.

Женщина лет пятидесяти в очках, надежно прячущих глаза, тоже скромно улыбнулась.

– Странно, что спрашиваете, – голос у нее был тихий и интеллигентный.

– Почему? – мои брови сделали «домик».

– Потому что у науки нет ответов на интересующие Вас вопросы! – продавец журналов развела руками.

– Вы меня заинтриговали, честное слово. А у жизни есть?

– Вы меня тоже удивили, – женщина с доброй улыбкой пережила шок, что к ней обратились с вопросом не о цене, и задумалась, подняла глаза к потолку. Тоже сложила брови домиком. Под крышей родилась мысль, и она ею поделилась: – Возьмите то, что Вы любите читать, и что-нибудь, что обычно не читаете. Тогда приятные моменты будут Вам обеспечены в любом случае. И, возможно, даже приятные открытия.

– Неожиданно! Спасибо за совет. Тогда мне VOGUE, ESQUIRE и какие-нибудь кроссворды.

– В разгадывании кроссвордов есть своя прелесть, вот увидите!

– А Вы уверены, что именно кроссворды – экспериментальная часть покупки?

Улыбка стала мне ответом.

– Спасибо.

– Счастливого пути!

В соседнем киоске купила шоколадных конфет и батончиков. Уже пошла было на перрон, но вернулась к газетному киоску. Протянула чудесной моей собеседнице шоколадку.

– Это Вам, еще раз спасибо за мудрый совет, – так приятно, когда делаешь спонтанно то, что показалось сейчас важным. – Хорошая, с миндалем.

– Что Вы! Ни к чему это! – чудесная продавщица прессы подняла руки, будто решила сдаваться.

– К чему, поверьте, – я положила шоколадку как можно ближе к ней, потому что было ясно: она хоть и сдается, но прямо сейчас ничего не возьмет из моих рук.

– Спасибо, и храни Вас Бог, – она опустила руки, но еще не взяла шоколадку. Интеллигентный человек отказывается до последнего и, даже оставшись наедине с собой, продолжает мучаться трудным для себя выбором. А не слишком интеллигентствующий прохожий забирает шоколадку, или занимает место в транспорте, или делает что-нибудь еще, спасая интеллигента от муки выбирать. Поэтому я положила шоколадку дальше от рук проходящих мимо, чтобы больше шансов было у миндаля быть съеденным на пользу тонких структур интеллигентного мозга, а не просто вместо сахара.

Вторая попытка дойти до перрона. Опять остановка. Увидела перед собой иконы. Маленькие и большие. Много. Тут же в голове повторилась фраза «Храни Вас Бог!». И я опять не вышла из здания вокзала, а принялась внимательно изучать предложение церковной лавки.

– Скажите, а что это за кулон? – я показала на небольшой медальон, один из многих, издалика не отличимых друг от друга.

– Это ангел-хранитель, – женщина в платке, еще более кроткая, чем те, что ходят в парандже, отвечала, не глядя на то, что я ей там показывала.

Хотелось пошутить, как-то вроде: «Прямо настоящий?». Но удалось задать вопрос более дурацкий:

– Серебро? – разницы особой – серебро или нет – не было, но надо о чем-то поговорить, пока я решу: можно ли купить ангела-хранителя.

– Серебро, конечно, – женщина пыталась говорить со мной на моем же языке, как она себе его представляла, и сохранять доброжелательность.

Сознание выхватило слово «конечно», и решение было принято.

– Вот кто мне сейчас нужнее всего. Будьте добры кулон и ... – глаза скользили по витрине с цепочками.

– Цепочку? – женщина в платке уже протянула мне кулон и подставку с цепочками.

– Да, именно – браслет.

Глава 2. Разведка боем

Шмелев – городок небольшой. Его размеры мне охарактеризовали так: «За сорок минут можно от края до края пройти». Здесь очень хорошо заметна граница: где город еще есть, а где его уже нет. Понять, когда заканчивается Москва или Питер, бывает очень сложно. Только указатели помогают сориентироваться, что ты за пределами столиц. Здесь всё просто: там, где города уже нет, его нет совсем. Поле какое-то. Потом виден лес. А потом, сильно дальше, на холме или за рекой, или еще дальше – маленькие домики с трубами. И окошки в них горят, как в старой песне: «Бьется в тесной печурке огонь. Пам-пам-пам. За окошком снега да снега. Пам-пам-пам. До тебя мне дойти нелегко...» Дальше в песне что-то про нежизнь, но я настолько эгоистична, по крайней мере сейчас, что как Джульетта не смогу. Жизнь для меня гораздо больше любви. Больше любви Джульетты и Ромео. Больше меня самой – во что верится пока с трудом. Вот так я чувствовала себя по приезду в город с четкими границами.

Кафешек оказалось мало. Еще одно удивительное наблюдение. Так мало, что совсем нет. В эту пору поесть – мы о вечере не самом позднем – только в ресторане. Меня пустили. В ресторан. В джинсах и кепке. И темных очках. Интересно, женщину во мне хоть заметили? Чтобы не расстраиваться, уточнять ни у кого не стала. Стала осматриваться

и думать. В непривычных обстоятельствах начало и течение мыслительного процесса ощущается физически.

Очень похоже, что меня приняли за чужую, за приезжую. Вопрос: «Что не так?» Надо просто посмотреть вокруг... Ясно. Здесь женщины в это время года и в эту пору суток не носят таких волос, таких сумок, весь этот мой европейский «кэжуал» – здесь вообще ТАК не носят... никогда. Конечно, чтобы это понять, вовсе не обязательно было переться в ресторан. Даже лучше было бы этого избежать, потому что в Шмелеве в ресторан ходят нарядными. В столице в ресторан об эту пору надевают вечерние платья, а здесь надевают что-то невыносимо нарядное. В первый вечер эта разница видна очень. Если вы не понимаете, чем нарядное отличается от вечернего, то вы – счастливый человек. И не надо вам ничего узнавать об их различиях. Живете вы в столице или провинции – тоже не важно. Одинаково вам не надо об этом знать, потому что вы – одинаково счастливы. И не улучшайте конструкцию, как говорят.

Но! Всё-таки, про ресторан. В столице люди забыли, что бывают рестораны без рестораторов. Это хорошая форма амнезии, если амнезия бывает хорошей. В провинции можно изучать особенности ресторанного дела в России в период с после НЭПа и до перестройки. С научной точки зрения, можно собрать информацию бесценную. С житейской – особой приятности не найти, да и пользы, откровенно говоря, тоже.

В любом городе России, еще с советских времен есть ресторан. Есть статус города – есть ресторан. Насколько населенный пункт на самом деле город – не важно. Если наткнулись на ресторан, то можно с уверенностью говорить, что попали в город.

Кафешки я не нашла, но увидела вывеску со знакомым до боли словом «Ресторан». Поскольку он был единственный отдельно стоящий – не при вокзале и не при доме культуры – то лучше всего его позиционировало не имя, а назначение – ресторан. Над названием никто не задумывался. Зачем? «Ресторан» – само по себе имя собственное для шмелевцев. Это в столице всякие «Обломовы», а в Шмелеве всё строго, гордо и по делу – «Ресторан».

Интерьер зала концепта в себе не содержал. Он, как и название, отражал предназначение: столики со стульями, барная стойка с барными стульями, эстрада для музыкантов, арка на кухню и место для танцев. На столах были скатерти, наборы «соль-перец-салфетки» и пустые вазочки для цветов. И, конечно, между столиками чинно ходили официанты: молодой человек и две девушки. Девушки еще как-то иногда улыбались, а молодой человек играл неподдающегося. Он понимал, что является украшением и гордостью заведения, а потому старался не забывать о своем высоком предназначении и нести себя среди этих скатертей и пустых вазочек достойно, с высоко поднятой головой и серьезным выражением лица, чтобы клиенты не расслаблялись. Иногда он

смотрел на себя в зеркало, оценивал: достаточно ли серьезно выражение его лица, – оставался доволен или добавлял серьезности. Делал он это не зря: ему всегда оставляли хорошие чаевые, в отличие от девушек. Девчонки тоже пытались время от времени серьезничать, но на их чаевых это сказывалось в сторону уменьшения, поэтому от экспериментов они отказались и ближе к счету начинали интенсивно улыбаться клиентам. Они всё время играли в одну и ту же игру: угадай, кто будет платить. Новенькие всегда проигрывали, а наработав стаж пару-тройку месяцев, начинали выигрывать. Просто все клиенты к этому моменту были изучены, как таблица умножения, равно как и даты активного отдыха шмелевцев в ресторане. Поэтому счет без наводящих вопросов приносили тому, кому надо, и получали свои законные чаевые. Не за улыбки, как думали они, а за понятливость, как объясняли своим дамам платежеспособные клиенты.

Я присела за свободный столик. Официанты на противоположном конце зала оперативно провели производственное совещание и делегировали к моему столику молодого человека. Заведение решило с гордо поднятой головой принять гостью в бейсболке. Гарсон чинно подошел и протянул мне меню.

– Добрый вечер, – интонации в его голосе не было.

– Добрый, – я сделала вид, что погрузилась в меню.

– Вы кого-то ожидаете? – гарсон начал разведывательную операцию, продолжая демонстрировать выправку по неотме-

ненной команде «смирно».

– Как Вас зовут? – я предприняла молниеносную контратаку.

– Макс, а что? – контратака удалась – в его голосе прозвучал интерес.

– Отлично, Макс. Я буду ужинать одна, – закрыла меню и подняла глаза на Макса, – что Вы можете мне предложить из еды?

– Меню перед Вами, – он попытался вернуться в положение «смирно».

– Мне трудно читать – буквы не все еще знаю, – не отпуская его лица своими глазами, – так что Вы можете мне предложить?

– Желаете мясо, птицу, рыбу? – Макс хотел свериться с зеркалом – достаточно ли «одето» его лицо, но он не мог выскользнуть из-под моего взгляда и нервничал.

– Рыбу, – ради победы в этой «схватке» я даже перестала моргать.

– Салат? – он слегка изогнулся вбок, думая, что таким образом сможет выскочить.

– Да, – мой взгляд спокойно говорил, что фиг проскочишь.

Первый раунд остался за мной, потому что он попросил внеочередной перерыв:

– Я понял, сейчас всё принесу, – Макс, не поднимая на меня глаз, рванул на кухню.

Начала играть музыка. Показалось, что людей в ресторане много, хотя из десяти столиков заняты были всего пять. Публика, как и говорила, нарядная – это про женщин. У мужчин другой дресс-код: в основном без галстуков и в большинстве своем без пиджаков. Главное требование местного дресс-кода к мужчинам – наличие денег. А вот как меня такую, по местным меркам «облезлую», пустили – загадка. Значит, большим городом прет за версту, а принадлежность к большому городу говорит о потенциальном наличии денег, что автоматически снимает проблему ненарядности и вопрос половой принадлежности.

Макс через минуту сервировал стол. Делал он это быстро и молча. Опять стремительно умчался на кухню, почти на ходу бросив:

– Минералку или напиток? – ухо как хобот слегка вытянулось, чтобы услышать ответ, только бы телу не задерживаться у столика.

– Минералку.

Еще через минуту на столе стояла бутылка минералки и бокал, а Макса опять стремительно не было. Еще через пять минут он принес салат и задержался на десять секунд:

– Это лучший салат из сегодняшнего меню.

– Спасибо, Макс, – медленно развернув салфетку, взялась за приборы. – Вы уже начинаете мне нравиться.

– Второе будет готово минут через тридцать. Сразу подавать?

– Сразу подавать – начинаете читать мои мысли.

Макс окончательно понял, что, будучи снобом, он ничего на мне не заработает и начал избавляться от «маски величия».

– Долго планируете здесь пробыть?

«Вот и заговорил как нормальный человек», – промелькнуло в голове.

– Еще минут десять, Макс, и мы в Вас влюбимся.

– Вы – это кто? – он уже не удирал от стола как ошпаренный.

– Забавно, а «влюбимся» Вас не смущает?

– Я ж не президент, мы не на моей пресс-конференции, и Вы не из Владивостока, чтобы я засмутился. Надеюсь.

– На что?

– Что Вы не из Владивостока.

Скорость его адаптации к меняющимся обстоятельствам меня поразила.

– Отличный ответ. Так вот, если вино не разбавлять, то минут через десять нас будет уже двое. Мне очень нужна компания, Макс – не разбавляйте вино, плиз. Просто посчитайте за два бокала, а принесите один бокал вина и один стакан воды, не смешивая.

– Не понимаю, о чем Вы.

– Вот и прекрасно. Значит, договорились: бокал белого вина, а вода у меня уже есть.

Салат был почти съеден, когда опять заиграла музыка.

Медленная и громко. Какая именно звучала песня, я не отразила. Расслабилась. Точно, что пел Челентано. Вдруг почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Внимательно смотрит. И взгляд этот начинает приближаться. Подошел довольно молодой и слегка подшофе человек.

– Разрешите на танец? – сказано было бодро.

Формального повода для отказа не нашлось. То, что свитер на нем никакой, штаны – барахло, а ботинки, блин... Простите, но комментировать дальше не буду, потому как это еще по инерции автоматически включается внутренний калькулятор.

– С удовольствием, – салфетка легла на стол.

И тишина. В смысле, разговор прекратился с началом танца. Музыка звучала хорошая – Челентано явно старался. «Танцует он не очень, не Челентано, мышцы как струны натянуты», – внутри молчать я не могла, поэтому паузу заполняла разговором с самой собой.

– Вы ждете кого-то? – вопрос прозвучал на пике мышечного напряжения моего партнера.

Про себя я успела только задать вопрос: «Имеет ли смысл врать?» Обдумать ответ не успела, потому что затягивать такое мышечное напряжение рядом с собой – просто опасно.

– Нет.

Ему сразу стало легче. И моей руке тоже.

– А зачем тогда здесь? – в его голосе неожиданно прозвучала нотка вызова.

Так обычно и бывает: мужчина хочет, чтобы женщина была свободна, а узнав, что она свободна, сразу начинает задаваться вопросом «почему». Искать причину-изъясн, настораживаться и подозревать. Я уже начала жалеть, что сказала правду. Надо было его расслабить через разочарование.

– Ужинаю, – решила не дразнить зверя и дать нейтральный ответ.

– В ресторане?! – кроме удивления в его голосе послышалось еще и разочарование, причем сильное.

– А что, разве сюда с иной целью приходят? – в моем голосе проскользнуло легкое раздражение. Я начала поглядывать – не несут ли мою рыбу.

– Ну, точно не ужинать, – кавалер даже и не думал замечать изменения в моем голосе. Он упивался несуразностью, как ему казалось, моих ответов.

– А зачем? – степень моего раздражения была усилена с квадрата до куба.

– Отметить, если повод есть, или сняться, – он будто рассуждал сам с собой, потом случайно посмотрел на меня и «запнулся» о мой взгляд. «Запнулся» так, что мысленно протер брюхом на скорости пол и врезался башкой в барную стойку, – извините, конечно, я не Вас имел в виду, в смысле, хотел сказать – познакомиться. Вы извините, пожалуйста.

Я настолько обалдела, что даже не прервала танец, а продолжала механически двигаться под музыку.

– Спасибо за предупреждение, что здесь есть не приня-

то, – хотела еще добавить «пару ласковых», но почему-то решила его не добивать и даже не долбить больше и почти миролюбиво продолжила, – своим поводом поделитесь.

– Получка у нас на комбинате, – он расплылся в широкой бесхитростной улыбке, как мальчик на утреннике.

Удивительно, какое действие оказывает на него слово «комбинат» – как рукой сняло все его подозрения. Жаль, что не знаю, кому подарить столь ценное наблюдение, самой-то мне оно, увы, без надобности.

– Потрясающий повод. Поздравляю, – уже очень хотелось к рыбе.

Слава Богу, музыка закончилась. Меня вернули столику. Рыбу еще не принесли. Кавалер удалился восвояси.

Иногда сильно жалею, что не курю. Вот сейчас бы эффектно так затянуться. Томно взглянуть. Сразу бы успокоилась. Не от сигареты, конечно. А от сознания того, как томно и красиво я затянулась. Так ведь не курю...

Рыба продолжала задерживаться. Опять предательски громко заиграла чудесная медленная песенка. Челентано был в ударе. И опять ко мне направился во всей своей красе фабричный герой. Мне определенно прет – ангажируют второй танец подряд. Я не поняла, почему не отказала и во второй раз. Лениво что-то ему объяснять. Или было-таки приятно пусть и такое, но внимание. Я уже решила, что сразила его. Чем сразила, не успела сообразить, но что сразила наповал – к гадалке не ходить. Опять мы проживали минуту мол-

чания. Кавалер определенно испытывал трудности с началом разговора. Первая фраза давалась ему каким-то немислимым мышечным напряжением. Опять руку мне сдавили, и очень хотелось, чтобы кавалер что-нибудь, наконец, изрек. И он выдал:

– От Вас так вкусно пахнет!

Вот и ответ – чем. Сразила... Смешно, конечно. Куда моему «кэжуалу» и зализанному хвосту против здешних бархата и локонов. И тут, на свой хребет, решила сострить:

– Спасибо. Это «Черутти 1881».

Кавалер мой напрягся, но не как обычно, в смысле перед первой фразой. Как-то по-другому напрягся. Неужели он в курсе, что эти духи уже давно вот так с гордостью не носят?

– Я же не спрашивал, сколько они стоят, – прозвучало испуганно и обиженно.

Я начала тихо смеяться. Тоже мне, продвинутый кавалер. Он, бедный, совсем перестал понимать, что происходит. Даже остановился. Я тоже больше не могла продолжать изображать танец.

– Духи так называются – «Черутти 1881». Извините. И спасибо за танец.

– А-а-а...

Что там было после длинного «а», слушать не стала и без провожатого дошла до своего столика. Макс тут же принес рыбу.

– Урод... – сказала сама себе тихо и без злости, но с остат-

ками раздражения.

– Что Вы сказали? – Макс явно уловил нотки раздражения, но не понял, к чему они относились.

– Уроды, говорю, они такие, как Паша, – говорила я громко и внятно, в упор глядя на Макса, – только страшные. Рекламу помните?

– Нет, – Макс хихикнул.

– А я вдруг вспомнила, – глотнула вина, – хорошее вино, спасибо.

– Белое, как просили. Приятного аппетита, – Макс удалился, почему-то продолжая похихикивать.

Рыба была ничего, съедобная. Кофе тоже славный. Комбинатовский кавалер попытался еще раз за чем-то подкатить, но, наткнувшись на взгляд, получил нокаут и вернулся за свой столик. Пришлось попросить еще бокал вина и опять процитировать рекламу про «уродов и Пашу». Макс уже не хихикнул, а хохотнул.

– Что с Вами, молодой человек? Странно реагируете – извольте объяснить.

– Потом, пожалуйста, – Макс даже как-то засмутился, – это я так, потом, в общем.

Пришло насыщение, и потянуло в сон. Макс принес счет. Я положила денежку. Он протянул руку к папочке, но я сыграла на опережение и прижала папочку ладонью к столу.

– Ну те-с, молодой человек, извольте удовлетворить любопытство дамы: почему «уроды и Паша» Вас так смешат?

Макс опять хохотнул.

– Понимаете, меня на самом деле не Макс зовут, – неМакс улыбался.

– А как? – вопрос тупой, но я искренне в тот момент не догоняла, что к чему.

– Меня по правде Паша зовут, – экс-Макс заулыбался еще шире.

Я протянула ему папку с денежкой:

– Там без сдачи, – в тоне моем не было реакции на то, что неМакс только что сказал.

– Спасибо.

Я поманила его пальцем. Макс-Паша наклонился и услышал:

– И всё-таки я настаиваю: уроды – они такие, как Паша, только страшные, – дальше говорить было трудно, потому что невозможно бесконечно сдерживать смех.

Тихо похохатывая, мы распрощались с Максом-Пашей. Так у меня появился второй хороший знакомый в Шмелеве. Совсем не плохо для одного дня.

Внешнее

Следующий день был потрачен на перерождение. Внешнее. На выходе из парикмахерской настроение стало чудесным. Давно меня так не уродовали – тем лучше. С практической точки зрения. Теперь я стопроцентно сливаюсь с толпой. Пока не открою рот, правда. Есть еще над чем поработать. В вербальном плане.

Обменяв одну стодолларовую купюру на много денег, я купила себе гардероб. Весь. И прониклась окончательно: здесь – рай. Еще купила газету. Надо бы завтра-послезавтра начать прицениваться к жилью и к работе. Кстати, еще о гардеробе. Часа три ушло на отработку очень ценного навыка. Не «зависать» над выбором. Заходить в магазин, взглядом «выщеплять» нужную вещь, примерять на соответствие размера и брать. За эти же три часа, можно сказать, чудом излечилась от застарелой болезни – регулярного шопинга. В этом отношении магазины Шмелева лечебнее минеральных вод европейских курортов. А всё почему? А всё потому, что здесь шопинг теряет всякий смысл. Бывают такие магазины, которые как музеи. Не потому, что в них всё дорого. А потому, что вывеска «Одежда» есть, а одежды, в понимании жителя мегаполиса, там нет. Устав от трехчасового выбора, когда выбирать не из чего, понимаешь, что освоила самый трудный вид выбора. В столице мы избалованы сов-

падением шрифтов на страницах глянца и на этикетках в магазинах. А здесь с журналами ходить бесполезно. В каждом магазине свой шрифт.

Вот, например, вещь с именем знакомым, но шрифт, которым имя бренда написано, я не знаю. Берем кофточку от «Шанель». Так отвратительно «Шанель» сидела на мне только в раннем студенчестве. Когда отдыхали в маленькой турецкой деревне. Тогда две сотни долларов составляли бюджет на весь отпуск. А так хотелось «шанели» или «дольче-габбаны»! А если честно, то сразу и обеих. Нестерпимо хотелось. И поэтому странность шрифтов я старалась не замечать. Какое это было счастье – так сильно чего-то хотеть. Помню, мерила-мерила, но так и не купила ту «Шанель» – очень уж она была страшная. А сейчас купила, именно потому, что она была такая страшная. Очень хотелось укрепить имидж, созданный парикмахером.

Вернулась в гостиницу. У меня попросили документы – не признали. Сочувственно смотрели, когда сличали меня с фоткой на паспорте. Ура! Значит, всё получилось. Только в ресторан теперь одну и без бархатного платья не пустят. Ну, и ладно. Буду питаться дома. Буду варить кофе. И чай буду варить. И делать бутерброд с маслом. Буду обязательно. Только дома у меня пока нет. Значит, прессу на предмет жилья будем изучать не завтра-послезавтра, а сейчас.

Так-с, к местной прессе так к местной прессе. Открыла страницу со скудным количеством объявлений про жилье

и присвистнула. Судя по предложениям, здесь точно рай: цены на жильё сказочно низкие. Только сейчас я поняла, что такое «сказочный»! Вот ведь, надо не принцессой-красавицей стать, а облезлой бомжеватой кошкой, чтобы попасть в сказку. Как интересно всё-таки жить. Может, сразу купить? Это всего-то пара месяцев хорошей работы в Москве. Мне бы одной моей, ну, не моей, а подаренной мне банковской карточки хватило. И еще бы на зимний гардероб осталось. Может, сгонять за пластиком? В Москву? Но, почему-то, нет. И меня там нет, не будем. Не будем рассуждать как инвестор, пока таковым не стала. Будем жить в предложенных обстоятельствах. То есть без пластика.

Что мне нужно? Квартира. Однокомнатная. Чтобы была кровать, ванна и плита – варить кофе. А соседи или хозяйка? Нет. Только чтобы «без никто». Еще желательно в центре города и с хорошим видом из окна. Это в больших городах все стремятся поселиться за городом, а жить в центре считают проклятием. В центре Шмелева дышится как в лесу. Двадцать минут ходьбы до любого края города. Чудесно. Будем искать вариант именно в центре.

Стоп. Кто-то мне про квартиру в Шмелеве уже говорил. Кто-то что-то говорил... И тут случайно посмотрела в зеркало – картина «Приплыли». Какой великолепный ужас!

Показалось, что даже рост и фигура изменились. Стала как-то выше. Или просто штанишки на мне слишком мешковатые и короткие. За прибавку к росту штанишки поглотили

задницу. Она и так была не весть какой великой, но была. Дальше – больше. В кофточке как-то безвозвратно потерялись талия с бюстом. Считать ли их невосполнимыми потерями? Короткая стрижка добавила шее несколько сантиметров. Хорошо это или плохо? Критерии красоты сильно изменились. Ответить сейчас про хорошо или плохо – сложно. Надо в новом имидже пожить день-другой, тогда всё и прояснится. Как трактовать новые углы и прямые линии. Минус каблук – плюс один угол. Минус задница, грудь и бюст – плюс прямые линии в фас и профиль. На что-то это похоже: то ли Гаврош, то ли кубизм. Всё блекло, и только блестят глаза из-под дурацкой, но по-прежнему рыжей челки. Челку мне сделали почти ровную, как и остальные линии стрижки. Почти стрижки. То ли от моей почти стрижки, то ли от болотного цвета костюмчика глаза как-то очень уж позеленели. Они и раньше, конечно, были не голубыми и не карими. Но такой зелени на лице не было давно. Если бы осмотр начала не с обуви, то ниже глаз опуститься бы не смогла. Потом смогла, позже, но не сразу. И зелень очень облагораживает новоявленные углы и прямые. Благородный американский налет появляется в облике.

– Так сходят с ума. Стоять и любоваться своими же глазами. Радоваться почти лохмотьям и умиляться, как похорошели глаза, – бред. «Полный бред», – моё в общем-то слабое «я», но с сильным критическим началом, не могло смолчать.

– Ну и что! Перед просветлением помрачение – обычное

дело. И потом, лучше уж замечать, какие у тебя прекрасные глаза, чем не замечать этого, – сильное «я» особо не собиралось спорить, чувствуя свою правоту.

Чтобы девчонки не поругались на ровном месте, почти силой оттащила себя от зеркала. На чем нас прервало зеркало? Важнее моих прекрасных глаз, конечно, ничего нет, но это было что-то не столь значимое, но и не совсем бессмысленное... Что же, кто же... Квартира! И говорил мне про нее Петр Петрович. Как всё-таки активизируются умственные процессы, когда возвращается блеск глаз. Чем ярче женщина смотрит, тем лучше она думает. По крайней мере, с памятью у нее становится лучше – это точно.

Нашла бумажку с номером ПП. Он взял трубку буквально сразу:

– Слушаю, дорогая гостья.

– Добрый день, Петр Петрович, Вы про квартиру что-то говорили – вот, созрела. Поможете?

– Быстро созрела, пиши телефон: 5 – 12 – 25.

– А дальше?

– Что дальше?

– Мне кажется, цифр мало.

– В самый раз, хозяйку зовут Алевтина Александровна, записала?

– Спасибо, Петр Петрович, Вы – настоящий, – хотелось сказать Петровичу что-то доброе.

– Вот только давай без волшебников, Ярослава Львовна, –

Петрович бурчал, но был явно доволен.

– Ну, какой Вы волшебник! Волшебник – как-то буднично. Вы, – какое-то слово вертелось на языке, но никак не говорилось, – Вы, Петр Петрович, летний Дед Мороз! Вот Вы кто! Ну, вот, например, в «Огниве». Волшебник – это кто? Ему что говорят? Хочу принцессу прямо сейчас, хочу денег тоже сейчас, хочу отгадать загадки и изменить решение суда тоже срочно – это же проза! Никаких чудес на самом деле от волшебников сейчас не ждут. А Дед Мороз – всегда праздник и подарки. Потому что раз в год. И только зимой. А Вы – исключительный Дед Мороз. Возможно, даже круглогодичный. Пока точно сказать не могу, но то, что летний – точно!

– Ну, лиса! – Петрович млел. – Любого заговоришь и уговоришь.

– Ну, совсем чуть-чуть, вот совсем чуть-чуть, честное слово! И только на хорошее.

Ну надо же! Это я опять о своем. Как всё-таки возвращение блеска глазам активизирует умственную деятельность! Придумать такое чудесное имя Петровичу – с менее зелеными и блестящими глазами было бы невозможно. А тут – пожалуйста! Надо изобрести какое-то средство для ухода за блеском глаз, на манер зубной пасты. Пришлось опять подмигнуть второй, имитирующей слабость, скрупулезной «я», чтобы пометила где-нибудь: «Средство для поддержания блеска в глазах. Для женщин. Изобрести. Не забыть!»

Хозяйка

Когда один говорит «хозяин» и делает паузу, то другой обычно продолжает «жизни». Привыкли или очень хочется говорить вместе эти слова: «хозяин жизни». Со словом «хозяйка» история обычно выходит другая. Если Вы скажете кому угодно «хозяйка» и многозначительно замолчите, и даже если будете вращать глазами, никто не скажет «жизни». Скажут «дома», «квартиры». Могут сказать «ушла» или «хорошая», но «хозяйка жизни» – никому в голову не придет связать эти слова. Почему? То ли «хозяйки» такие, то ли «жизнь». Есть еще вариант, что устойчивость словосочетаний в русском языке повышенная. Не реагирует оперативно на изменения в жизни. Но шмелевским реалиям устойчивость словосочетаний не противоречит. «Хозяев жизни» в здешней природе не водится вовсе, а вот «хозяйки квартир» встречаются. И даже хозяйки хороших квартир очень редко, но попадаются на пути.

Рекомендованная Петровичем хозяйка квартиры явно ждала моего звонка. Алевтина Александровна извиняющимся голосом хотела назвать сумму, но у нее получилось спросить и замереть. Чувствовалось, что она всё еще не верит в возможность чуда – удачу сдать квартиру. Свое «предложение» она давно считала «риторическим», и надежды услышать что-то, кроме «спасибо», у нее не было. Уже не было.

Получить СТОЛЬКО денег, нет, не так – получать столько денег и регулярно – запредельное желание по здешним меркам. Да-да, в каждом раю свои лимиты.

– Хорошо, я сейчас подъеду, – поняла, что сказала что-то не то или не точно, – подойду, я хотела сказать.

– Правда? – Алевтина Александровна не верила своему счастью.

Через пятнадцать минут я подходила к её дому. По дороге, глядя на все здания, думала: хотела бы я здесь жить? Взглянув на дом Алевтины Александровны, сказала себе: именно здесь я хочу жить. Трехэтажный дом. С лепными украшениями и коваными балконами. Он был необычного асфальтового цвета. Выглядело строго и благородно. И снаружи было видно, насколько высокие потолки внутри.

Алевтина Александровна встречала меня на улице. Она оказалась очень милой женщиной лет шестидесяти. Волосы цвета регулярной в течение лет тридцати окраски хной собраны в пучок. Брови выщипаны до тончайшей ниточки. Вневременное удивление застыло на ее лице благодаря ниточкам бровей. Ресницы не тронуты тушью, потому что она строго придерживалась правила: акцент либо на глаза, либо на губы. Выбор был сделан в пользу губ – буйно красные, тщательно прорисованные, как и брови. Еще меня впечатлили аккуратные гипюровые рюшечки у шеи. Невысокий рост и нетипичная для провинциальных дам в таком возрасте стройная фигура. Что еще? Была в ней какая-то стран-

ность. Конкретнее сказать сразу было трудно. Не во внешности – тут всё очень по-шмелевски. Странность проявлялась в ее манере говорить и двигаться. Она как-то очень чутко чувствовала, что хочет собеседник, и старалась угодить. Мне в тот момент очень не хотелось разговаривать, и она молчала. Я была так благодарна ей за молчание. И понимание. Хотя самой Алевтине Александровне очень хотелось поговорить. Когда поднялись на второй этаж, я пересилила свое настроение и спросила:

– Алевтина Александровна, можно ли будет похозяйничать в квартире? Переделать что-то, вещи переставить или вообще убрать подальше какие-то предметы?

– Конечно! Я почти ничего не трогала после смерти мамы. Всё, что было мне дорого, я забрала в свою квартиру, поэтому можете смело хозяйничать.

– А когда умерла Ваша мама? – обстоятельство смерти меня озадачило.

– Полгода назад, – Алевтина Александровна будто прочитала беспокойство в моих глазах, – не волнуйтесь, она умерла в больнице.

– Извините, Алевтина Александровна.

– Ничего-ничего, я понимаю, мне бы тоже это не понравилось, – она доставала ключи от входной двери, – я сильно скучаю, мы были так привязаны друг к другу, поскольку своей семьей у меня не сложилось.

Теперь стало ясно, что удивляло в Алевтине Алексан-

дровне – повышенная дочкость. Так, конечно, не говорят, но она слишком долго была дочкой. Точнее, она всю жизнь была только дочкой и больше никем, вот откуда это ее умение ловить чужие желания и привычка подчиняться и соглашаться. В ней категорически не было собственного «я», всё только отраженное.

– Спасибо за доверие, – успела сказать я, пока хозяйка открывала дверь.

Разговор на этом прервался. Мы вошли в квартиру номер двадцать. Я сразу в прихожей отдала хозяйке деньги за месяц вперед и попросила ключи. Алевтина Александровна не поняла, что произошло, но спросить не решилась. Просто это была моя квартира. Точнее, это будет моя квартира через несколько дней, как только я сделаю в ней ремонт. Алевтине Александровне я сказала, что обязательно зайду к ней на днях, и мы получше познакомимся. Она ушла. А я осталась.

Сразу из коридора от входной двери был виден балкон. И площадь вся в солнце. И голуби. И маленькая девочка что-то собирала или рисовала на асфальте. Просто, светло и очень трогательно. Всё соответствовало моему настроению.

И даже показалось, что захотелось секса. Точно захотелось. Какой-то стремительный восторг пронесся по телу. Только так быстро прошел, слишком быстро, но зацепить успел. И удивить. И очень жаль, что только показалось. Хотя

и малость – уже хорошо. Пусть очень короткая, но здоровая воля организма. Это значит, что организм потихоньку просыпается!

Возможно, если бы состояние квартиры было лучшим, то и желание длилось бы дольше. Потому что, кроме вида из окна, всё остальное можно охарактеризовать одним словом – загажено. Извините за прямоту. Когда ты сам «заэто самое» свою квартиру, то так остро и прямо всё не воспринимаешь. А тут. Когда кто-то до тебя и за тебя, а тебе здесь жить – обидно очень. И выражения выбирать не хочется.

Пол во всей квартире кто-то нещадно устлал коврами, ковриками и дорожками. Пока перечисляла, успела свернуть одну дорожку. Назвать их все хотелось «ковришками», потому что на ковры они давно не тянули. Эти «ковришки» не сочетались ни по цвету, ни по орнаменту, ни по размерам, ни по форме. Никак. Именно поэтому, наверное, они жили все вместе, долго и очень счастливо. Рассуждая, я методично сворачивала ковры, готовя их к эвакуации. Как там «бухгалтеры» от спецназа считают? «Минус один, минус два, минус три, еще три минуса – чисто».

Освободив пол, принялась за другие горизонтальные и вертикальные поверхности. В доме не было ни одного свободного сантиметра. Кругом – множество утвари. Половник, ситечко, сито и дуршлаг – их было несколько комплектов на кухне и пара комплектов на балконе. На балконе они висели на двух соседних крючках. Причем ситечко и дуршлаг

висели на одном крючке с хлопушкой для ковров. Еще обнаружили два совершенно одинаковых пылесоса «Урал». Один прятался в шкафу. Другой стоял рядом со шкафом. Видимо, на стреме. Оба пылесоса были сломаны, поэтому без раздумий стали кандидатами на выселение.

Взгляд поднимался всё выше, перешел на потолок и замер. Не поверила, что такое бывает. Заглянула в комнату, потом на кухню, потом в ванную и в туалет. Везде «пластиковые» или «пенопластовые» плитки. Смотришь на потолок, а видишь пол. Любовь к плиткам, как и к половникам, не знала границ, поэтому они были не только на потолке, но и на стенах тоже. Например, на кухне. Свет на кухне включался в шкафу. Это обстоятельство повергло меня в продолжительный шок. Я села на табуретку и уставилась на открытый шкаф, в котором красовался выключатель. Смотрела как замороженная на выключатель в шкафу и заметила какое-то движение.

В углу за шкафчиком жил паучок. Довольно крупная особь. Он сплел плотную паутину и вообще выглядел очень бодрым. Как ко всему этому относиться? Шкафчик можно выбросить, тогда выключатель окажется на свободе. Теперь паучок. Вообще, паучок – это плохо или не так однозначно? Паучок, в принципе, это почти косиножка. А косиножка – это, всем известно с детства, к письмам. Писем мне ждать не приходится, но могут же быть в моей жизни новости, известия, вообще какая-то информация. Новая информация.

Она мне нужна? Конечно, к новой стрижке мне нужна новая информация. Только бы не такая ужасающе прекрасная. Получается, паучок в хозяйстве мне необходим. Но надо что-то для него придумать на время ремонта. Не уверена, что удастся быстро научить его держать кисть и молоток. Хотя конечностей у него как у индийского бога. Но много конечностей – не всегда полезно для хозяйства. Надо его куда-то временно поместить, чтобы потом предложить место в новом интерьере. Поместим его, пожалуй, в хлебницу. Она мне как хлебница не нужна. Пройдет немало времени, прежде чем я начну ходить по утрам в булочную и покупать хлеба на несколько дней. И хранить его в хлебнице. Сил выбросить ее сегодня уже нет. Устала бороться с коврами. Держать пустую хлебницу – плохо. Переведем хлебницу из склада в жилое помещение для паучка. И дадим ему имя, например, Ка. Паучок Ка – звучит? Звучит. Почти как удав в «Маугли». Только удав большой и поэтому у него в имени два «а», а у моего маленького паучка будет одно «а». Имя позитивное, значит, новости должны приходить хорошие. Аккуратно сняв паутину вместе с Ка, положила его в хлебницу и тихонько закрыла. Пока Ка в хлебнице, вестей не будет. Надо быстрее сделать ремонт, чтобы начать получать разнообразные приятные известия.

И тут мне опять на глаза попались поварешки. Они и вазочки – какое-то отдельное стихийное бедствие. Необъяснимая страсть была у прежней хозяйки к этим предметам.

Неисчислимое множество вазочек и поварешек было собрано в два мешка из-под сахара. Удивительные вещи. Ни вместе, ни по отдельности они не подавали признаков интересности или породистости. Вещи безликие и по красоте, и по истории своей. Теперь они были сосредоточены в коридоре. Ни о какой эвакуации на антресоли речи уже не шло. Ни одна антресоль в мире не вместят всех «богатств» этой квартиры. Только на помойку! Пока хозяйка не взяла свои слова обратно. Так я начала уборку с элементами ремонта.

Единственное, что осталось нетронутым, помимо паучка, – это книги. Их я сложила в ровные стопки. Какое место они займут в новом интерьере, еще было не ясно, но что они будут в нем уместны, не ставилось под сомнение.

Даже после того, как исчезли ковры и вазочки, вид комнаты улучшился не намного. Надо было сдирать этот пол с потолка и местами со стен. А еще вопиюще мешали стенка, диван и кресла. И телевизор на какой-то жуткой подставке. Проще говоря: мешали вся мебель и бытовая техника. Пробыв в квартире больше получаса, я перестала замечать, что балкон виден от входной двери. Любоваться видом можно было, только выйдя на балкон.

Вот она – красота чудесная. Выше площади и голубей – круг купеческой застройки домов. Век, наверное, девятнадцатый. А дальше, на холме, прямо напротив окна – храм. Белый-белый. И солнце играло в куполах. Выше храма на горизонте ничего не было. Только небо. Лес не доставал

и до середины церковного здания. От этого храм казался еще выше. Казалось, что лес забором расходится в обе стороны от храма. Лес, конечно, не примыкал к храму. Но из окна всё виделось именно так.

Было очевидно: одной мне с этой квартирой не справиться. Я решила пойти погулять по городу, подумать и разработать план стремительного ремонта. Потом, вечером, забрать вещи из гостиницы и ночевать уже в своей квартире, не откладывая заселение в долгий ящик. «Ну, посплю на полу – ничего страшного. Кстати, я сказала Алевтине „спасибо“ или нет? Надо купить конфет и зайти поблагодарить ее на всякий случай. Вечером. Или завтра. Тем более, что я ей обещала зайти. Или здесь так не принято?».

Вопросы

День продолжался в том же духе, в каком и начался – без спешки. Странное состояние – когда тебе не надо никуда спешить. Очень странное. И приятное. Скорее, приятное. Не хочется категорически отрицать жизнь в спешке. Должны быть разные ритмы. Должен быть выбор. Жизнь без спешки – приятна. Только сама ли по себе или после продолжительной гонки? Приятна всегда или только как перерыв, короткий отдых? В большом городе даже в выходной не накрывает ощущение, что тебе вообще никуда не надо. А чтобы при этом не возникало тревоги, что что-то не так, что нет работы или еще чего-то нет. Сейчас без спешки и без тревоги было приятно. А дальше, чем на «сейчас», думать не хотелось.

В Шмелеве я не спешила второй день. Уже! Второй день. И поскольку жильё имелось, а работы не было и еще не сильно ее хотелось, то особых забот, кроме как убивать время, не было. И тут пришлось сделать открытие, что это совсем не легко – никуда не спешить и быть ничем не занятым. Хочешь или не хочешь, но ты оказываешься наедине с собой. Вот хочешь или не хочешь, а оказываешься! И эта «встреча» может обрадовать далеко не каждого. Почему-то хочется, чтобы на разговор с собой был установлен лимит времени. Чтобы «если что», то можно было сказать: «Всё, об этом

потом! Потом я сказал (а)! Позже! Время вышло – спешу! Пока! Потом договорим!» А начинать разговор с собой в ситуации, когда время не ограничено, – рискованно. От ответов не уйти. И вопросы тоже придется продумывать, чтобы не выглядеть бледно. Правда, есть варианты. Например, в новом городе можно провести один обманный маневр. Можно оттянуть эту знаменательную встречу – пойти на экскурсию по городу. Без цели. Так просто. Должно отвлечь. На день. Не избавит совсем от свидания с собой, увы. Но на день отсрочку получить можно. Это не мало. По себе поняла, как это не мало.

В общем, я воспользовалась отсрочкой и пошла гулять по городу.

Экскурсия

Город Шмелев – обычный провинциальный город. Здесь нет деления на «деловые» и «спальные» районы. Здесь нет зданий выше трех этажей. Это город, где люди живут дома и семьями. Если вам кажется, что это очевидный факт и так везде, то смею не согласиться.

Все приезжающие с «большой земли», в смысле, из больших городов, сразу ощущают поражение в своих правах. Всё, что нужно для жизни, люди здесь имеют либо дома, либо на работе. И больше «этого», то есть таких благ цивилизации, как: чашка чая или кофе, Интернет, кино и еще масса вещей, – кроме как дома или на работе нигде не найти. Или придется приложить массу усилий. Но полный набор всё равно не получить.

День и ночь здесь отличается только цветом неба. По звуку – город не меняется в зависимости от времени суток. Всегда тихо. Здесь нет пробок. Здесь не гоняют на машинах. На улицах людей видишь редко, машины – еще реже. Такое ощущение, что здесь люди отдыхают. После перенапряжения в предыдущей жизни или перед последующей.

Главная улица – улица детского развития. Вот музыкальная школа, вот школа хореографическая, вот художественная. Потом бассейн и какой-то спортивный полудворец. Детей усиленно развивают эстетически. Но в городе нет театра,

выставочной галереи, кинотеатра. Ни одного. И на гастроли сюда приезжают раз в год – на день города. Все концерты и спектакли – из серии «творчество юных». Поэтому эстетически развитые дети, когда становятся молодежью, практически полным составом уезжают в города, где могут учиться на артистов, музыкантов, художников или инженеров и бизнесменов, имеющих возможность активно посещать театры, концерты, выставки. После студенческой молодости они редко возвращаются в Шмелев. Каким образом каждый год наполняются школы в Шмелеве – чудо из чудес. Но это так. Школы наполняются, и творчество юных не унять.

Интересно, как и когда Москва и другие города-миллионники «встретятся» со Шмелевым лицом к лицу. Расстояние будет препятствием не всегда. Такие города, как Шмелев, уже сейчас можно назвать «заповедными». Они давно в меньшинстве. Во всех «заповедных» городах вместе взятых жителей меньше, чем в Москве и городах иже с ней. Или так кажется? Но так кажется.

Такие вот размышления на ходу. Пыталась придумать более созидательное занятие, чем сравнивать несравнимое. Вместо занятия нашлось развлечение. Просто захотелось выпить кофе, и я спросила у прохожего:

– Скажите, пожалуйста, где можно поблизости выпить кофе?

Если к Вам когда-нибудь обращались на монгольском языке, то Вам не надо объяснять, что за реакция была у про-

хожего. То ли он не понял, то ли не поверил, то ли решил, что его разыгрывают. Человек молчал.

– Извините, кофейня какая-нибудь поблизости есть? – я сказала на всякий случай громче.

Человек молчал.

– Вы меня слышите? – я сказала громко, как могла, и показала руками на уши.

– Да, – на что он среагировал: на звук или жест – было не понятно.

– Вы кофе пьете? – я не нашлась, как руками показать слово «кофе».

– Да, – мужчина часто моргал.

– А где? – я перестала махать руками, чтобы его не напугать окончательно.

– Дома и на работе, – и, как в сюрреалистическом кино, он просто пошел дальше.

– Спасибо, – сказала я уже тихо и в воздух.

После третьего такого допроса стало ясно, что кофе в ближайшей перспективе мне не светит, если только я не сварю его дома или не устроюсь для этого прямо сейчас на работу. Тогда в качестве моральной компенсации стала искать другие вопросы, которые ставят шмелевцев в тупик так же, как и кофе. Такими вопросами оказались самые что ни на есть простые, на взгляд жителя мегаполиса, а для шмелевцев – это вопросы, без шуток, из разряда «быть или не быть». Гамлетовский вопрос номер один – понятно, про кофе. Номером

два стал вопрос: «Где ближайшее Интернет-кафе или Интернет-клуб?» Самыми популярными ответами опять стали «дома» и «на работе». А вот вопрос номер три оказался открытием дня.

Я обнаружила, что начал рваться кошелек, поэтому без задней мысли спросила прохожего: «Где здесь продают кожгалантерею?». Эффект был, будто я спросила не просто на монгольском, а, например, на монгольском про факторинг. Даже улыбка сумасшедшей американки, которую я попыталась изобразить, не помогла собеседнику вспомнить, что такое «кожгалантерея». Я попыталась спросить по-другому: «Где можно купить кошелек или сумку?» В глазах собеседника случилось просветление и радость узнавания, и меня послали до ближайших кошельков. На другой край центра города. Ходьбы туда было минут пять, но кошелек я уже расхотела покупать.

Вопросов решила больше не задавать. На сегодня открытий было уже в самый раз. Ноги несли в противоположную от кошельков сторону – к храму. Оказалось, церковь расположена за городом. Дорога до нее только с балкона виделась короткой. На самом деле пришлось пройти около километра, да еще подниматься на холм. Хотелось помолчать, поставить свечу, постоять под куполом. Вдруг навернутся слезы? А от них недалеко и до смеха. Дыхание слегка сбилось. Всё-таки столько пройти пешком, да еще подъем. Не гора – холм, но довольно крутой и тропинка узкая. Дыхание сби-

лось. Слегка. Стыдно. Стыдно слегка, но стыдно. Дыхание у меня не сбилось. Я самым банальным образом запыхалась. Так сильно, что хватала ртом воздух как рыба. Хочется, конечно, списать на крутость подъема и избыток кислорода, но понимаю, что дело в другом. Отвыкла ходить и спортом давно не занималась. Надо срочно возвращать полезные для дыхания привычки. Срочно. За это и помолюсь, за здоровье. Чтобы всем. Дыханию вернулся какой-никакой ритм. Я уже подошла к храму, но сбоку. Оставалось пройти еще несколько метров до центральных ворот. И здесь меня ждал сюрприз.

Ворота храма оказались заперты на здоровый засов. Я даже не сразу поняла, что это такое. Мы привыкли к замкам. Сейф-дверь, на которой ручку не сразу найдешь, не то что замок. А тут здоровая деревяшка во всю ширину ворот, аккуратно так вставлена в кованые дверные ручки. Храм с виду ухоженный, свежепокрашенный и купола недавно золотом покрыли. И бурьяна вокруг нет. А засов навел на мысль, что церковь закрыли в революционные годы на самый надежный по тем временам запор, вот она и стоит. Но как могли так сохраниться стены и купола? Послышались шаги. Я вздрогнула. Со стороны алтаря вышел батюшка, перекрестился и направился куда-то от храма, но увидел меня. А я уставилась на засов как баран на новые ворота. «Голова не покрыта, в штанах еще...», – мелькнуло в голове. Батюшка остановился. Я тоже не двигалась с места. И не говорила ничего.

И не кланялась.

– Хотела чего, приبلудная? – он прокричал, чтобы не подходить ко мне.

Я продолжала стоять и молчать. Батюшка наморщил лоб и пошел в мою сторону.

– Спрашиваю: хотела чего, приبلудная? – он говорил уже не повышая голоса.

– И Вам здравствуйте, как так, что храм среди бела дня закрыт? – я решила, что забуду про «приبلудную», если он больше меня так не назовет.

– Не обижайся, я ж правду сказал. Ты и сама про непокрытую голову и брючонки подумала. Ведь подумала? Подумала? – очки батюшки сверкали на солнце.

– Ну, подумала. Так это еще не повод «приبلудной» называть, я ж не собака, – я шурилась, глядя на батюшку, потому что он встал как назло между мной и солнцем.

– А всё равно приبلудная.

Мне стало смешно.

– Вы и сами чудной, батюшка.

– Вот, заулыбалась – это хорошо, – батюшка начал как-то смешно приседать, – меня Отцом Матфеем зовут, а тебя каким именем крестили?

– Ярослава. Только по крещению ли – не знаю, – пока он приседал, я развернулась так, чтобы стоять спиной к солнцу.

– А крещеная? – отец Матфей пытался закрыть ладонью глаза от солнца, – чего вертишься? Наверняка ведь загорать

ходишь – вот и стой против солнца, загорай себе! А у меня оптика на глазах! От нее эффекты всякие дополнительные и неудобства на свету!

– Крещеная, – я улыбалась, но с места не двигалась.

– Надо знать имя по крещению, непорядок так-то. Вот видишь, и тут я прав, что приبلудной назвал, – отец Матфей вытирал слезы, – есть в тебе милосердие али и слова такого не знаешь?

Я развернулась на девяносто градусов, чтобы солнце перестало слепить и меня, и его.

– Только из уважения к оптике.

Отец Матфей насупился.

– Шутка, не сердитесь. Вы всегда такой веселый, отец Матфей?

– Так ведь уныние – грех тяжкий. Знать должно, – он прищурился.

Внешне отец Матфей очень соответствовал своему бодрому громкому голосу. Он оказался молод, лет тридцати – тридцати пяти. И росту совсем не великого. Без шапки так и вовсе ниже меня. Приятный брюнет. С шикарной бородой. Светская характеристика, конечно, но как по-другому сказать? На курносом носу сидели круглые очки. На круглых щеках – круглый румянец. Он весь был какой-то круглый, без резких переходов и границ. Под рясой проступало крепко сбитое тело. А потом мой взгляд неожиданно упал на ботинки, и я замерла в изумлении.

– Отец Матфей, что это у Вас под рясой? – я не могла удержаться и показала рукой на его ноги.

– А что? – он начал очень смешно тараторить, – ну, джинсы, ну и что? Под рясой ведь они, под рясой! Вот ведь, разглядела, приبلудная! Не могла смолчать! Вот обязательно надо было указать!

– Простите, Отец Матфей, это я от неожиданности. Про «казаки» промолчу – честное слово, найду силы, – я подняла руки к небу. – Так почему храм среди бела дня закрыт?

Сдержатъ смех было очень трудно – «казаки» и джинсы у отца Матфея были что надо. Это можно было понять, даже увидев их мельком. А я задержала на них взгляд секунд на десять. Только руки я сразу подняла к небу, а взгляд секунд через десять – так что разглядела хорошо.

– Правильно, надо уважение к старшим иметь, – он посмотрел на меня и подождал, не спрошу ли чего, чтобы не захвалить раньше времени, – и к сану уважение иметь надо. А храм закрыт, так как нет здесь пока священника. Я в здешний храм послужить прихожу. Почти каждый день, но не постоянно я тут. Мой приход в селе. Вот не поверишь: едут ко мне в село аж из областного центра. Джипы не мерседесы, порши не ламборджини, – отец Матфей перечислял увлеченно.

– Однако, отец Матфей, Вы хорошо осведомлены. Даже разбираетесь, я бы сказала, в машинах.

– Так, чай, читать могу и памятью Бог не обидел, – он го-

ворил без отповеди, потому что ему очень хотелось дорассказать до конца, – деловые такие, до жути деловые, едут креститься. Я свою девятку старую куда спрятать, не знаю. Стыдно! Прости, Господи! Грех, а мне стыдно. Молюсь, а всё равно нет-нет, да и застыжусь своей девятки перед Мерседесом. Вот, а они и не замечают девятку мою, что машины такие бывают, уж забыли давно. Грехи им отпущу, окрещу, они довольные на свои джипы да мерседесы поусядутся и едут домой. А я на свою девятку гляну – срамота... И из Москвы гости бывают. Хозяева завода тутошнего. Приехали давеча на машинах, я и не видывал таких. В костюмах, холеные, молчаливые. Это они тутошний храм отстроили – вишь, красота какая, там внутри еще не всё расписано. Ну, вот, приехали они, я аж взволновался – будто Путина встречаю. Который хозяин главный – он по правде молился и крестился. Просил чего-то у Господа, мне не открыл. Я ему предложил душу облегчить, а он ни в какую – спасибо, мол, так я, просто молился. А я ж вижу, когда так, а когда от сердца молят-просят.

Батюшка говорил быстро, а сам пристально на меня смотрел.

– Прочитали что-то на моем лице, отец Матфей? Так пристально изучаете?

– А ты никак понесла, девонька? – он спрашивал, а вопроса ни в его голосе, ни в глазах не было.

– Разжаловали из приبلудных, Отец Матфей? – от нежи-

данности я не знала, что сказать.

– Ох, и остра на язык, милая! – он вроде бы продолжал журить, а в голосе послышалась забота и почти нежность.

– Простите, привычка, как вижу хорошие джинсы, а тем паче «казаки» – начинаю остричь. А Вы о чем, батюшка? Кто, что и куда понес?

Отец Матфей пристально посмотрел мне в глаза и как-то посерьезнел на минуту.

– Зря остришь, дело-то серьезное. Венчались вы али в грехе живете? – он сцепил руки замком и изобразил грозный вид, но голос звучал мягко.

– А что появилась такая специализация «поп-гинеколог»? – про себя завершила фразу словами «прости, Господи».

– Ой, как нехорошо говоришь! – он всплеснул руками и закачал головой.

– Простите, опять привычка – удар держать, когда надо и когда не надо тоже, – я стала смотреть вдаль на лес, на небо, опять на лес.

– Невенчаннные, значит. А тебе надо венчаться, раз ноги к храму несут. Пусть и в брючонках, и с непокрытой головой, а засов на дверях, вишь, как расстроил. У меня глаз верный, ты учти, – он говорил очень убежденно.

– Учту, – я не стала уточнять, что именно. – Спасибо, простите, что задержала Вас, – я в первый раз поклонилась отцу Матфею, развернулась и уже пошла в направлении города.

– Чего приходила-то? – отец Матфей опять начал кричать.

– Иконы посмотреть, – крикнула, не останавливаясь.

– Благое дело. В субботу приходи, я служить буду. Тут мастер есть – иконы пишет, – батюшке казалось привычно разговаривать с идущими вдалеке, – он тоже на выходные приезжает. С благословения пишет, не так чтобы от себя! Я вас познакомлю. Придешь?

Боковым зрением видела, что он меня перекрестил.

– Приду, спасибо, – прокричала в ответ, а в голове крутилось: «Странный этот отец Матфей. Наговорил всякого – а ты теперь думай, что с его словами делать».

В город вернулась как-то очень быстро и уже не с таким спокойным сердцем, как выходила.

Дале да боле

Чтобы чужой город стал тебе ближе, не надо делать вид, что ты вовсе не турист. Первое время не надо этого стесняться, а лучше вести себя как самый типичный турист – вот и всё. Надо осматривать достопримечательности, сверять улицы с картой, покупать сувениры, чтобы постепенно новая территория стала если не родной, то знакомой. И, желательно, приятно знакомой. Тут очень важно правильно выбрать сувениры.

Петрович в разговоре обронил, что есть в городе место, где тутошние ремесленники продают свои поделки. Называется то ли дом, то ли дворец ремесел. Мне надо было как-то отвлечься от разговора с отцом Матфеем, и я решила прикупить сувениров. Тем более уже есть, куда их ставить.

У здания то ли суда, то ли прокуратуры стояли трое мужчин: охранник и два человека в штатском. Они курили, как положено, на троих. Охраннику, я так подумала, по должности положено владеть монгольским языком, поэтому обратилась именно к нему:

– Скажите, пожалуйста, где находится Дом ремесел? – я бы с удовольствием еще и улыбнулась по-монгольски, но умела только по-американски. Потому и улыбнулась, как умела.

– Нет такого, – ответ последовал неожиданно быстро.

– А Дворец ремесел есть? – я поняла, что надо учиться улыбаться по-монгольски, потому что американские улыбки здесь не проходят.

– Нет такого, – готовясь то ли к бегству, то ли к наступлению охранник затушил сигарету.

Его товарищи тоже спешно докуривали.

– Мне сказали, что здесь есть Дом или Дворец ремесел, – я перестала улыбаться совсем.

– Нет у нас такого. Ни Дома, ни Дворца – я точно знаю, – охранник поправил ремень и приготовился зайти в здание.

– Должны же здесь где-то сувениры продавать?! – это был уже вопль отчаяния, обращенный ни к кому конкретно. Я приготовилась идти дальше. А что здесь ловить, если тебе человек почти в форме говорит, что лично тебе здесь ловить нечего.

– У нас Центр ремесел есть, – неожиданно сказал мне в спину новый голос.

Я развернулась и увидела, что один из гражданских трет висок.

– Вот-вот, мне именно его и надо, – упавшим голосом сказала я. – Где он находится?

– Центр ремесел, естественно, есть. Это все знают. Так он ведь не Дом и не Дворец! – охранник возмутился, – Надо точно говорить, что нужен Центр ремесел, тогда и ответ получите точный! А то – Дом, да Дворец – может, отвлечь меня хотите. Кто Вас знает, зачем Центр на Дом да Дворец пере-

иначиваете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.